

УДК 340.1

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В ОПТИКЕ АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА

В. И. Павлов

Академия МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры конституционного и международного права,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. Рассматривается понимание правовой культуры с позиции классической общеправовой теории и с позиции методологии постклассической юриспруденции. Обосновывается, что для корректного понимания правовой культуры следует руководствоваться цивилизационно-культурной интерпретацией правовой культуры и в центр правокультурного анализа ставить действующего в праве человека.

Ключевые слова: право, правовая культура, человек, правовая личность, ценности.

Annotation. The understanding of legal culture is considered from the standpoint of classical general legal theory and from the standpoint of the methodology of postclassical jurisprudence. It is proved that for a correct understanding of legal culture, one should be guided by the civilizational and cultural interpretation of legal culture and place human rights at the center of legal and cultural analysis.

Keywords: law, legal culture, human being, legal personality, values.

Теория правовой культуры в русскоязычной юриспруденции была сформирована в советском общетеоретическом правоведении в 1960–1980-х гг. Формирование учения о правовой культуре связывалось с необходимостью повышения уровня развития социалистического общества и личности, выражающегося прежде всего в соблюдении норм социалистического права и высокой социальной активности людей. После распада СССР и крушения советского правопорядка на фоне процессов построения новой либеральной политико-правовой системы в условиях сложного этапа рыночных преобразований уровень правовой культуры в постсоветском обществе значительно снизился. Состояние правовой культуры в целом характеризовалось правовой аномией, недоверием праву и государственным институтам, высоким уровнем правового нигилизма и т. д. Правоведы периода 1990-х гг., характеризовавшие правокультурное состояние постсоветского общества и человека и проводившие соответствующие полевые исследования, ориентировались в основном на *рационально-юридическую интерпретацию* правовой культуры (так называемый узкоюридический подход к правовой культуре). Такая модель понимания правовой культуры была не только зеркальным отражением советской теории правовой культуры, но и предлагалась западной правовой доктриной и была

основана на идее юридизации повседневности как залога социального порядка. Как следствие такого подхода, человек, не знающий право либо не уделяющий в своей повседневной жизни ему значительного внимания, рассматривался главной причиной правовой декультурации социума. При этом не учитывался другой, альтернативный, подход к правовой культуре, который постепенно стал использоваться только к концу 2000-х гг. Условно его можно назвать *цивилизационно-культурным*, или *культурно-историческим*. Согласно ему, далеко не в каждом обществе право, понятое как практическая юридическая рациональность, выступает базовым маркером должной социальной регламентации. При анализе правовой культуры должны браться в расчет и иные срезы социальной онтологии — своего рода базовые приоритеты человеческого существования (нравственность, религия, традиция, обычай, повседневные общепринятые подразумеваемые договоренности и т. д.), которые по историческим, религиозным, этнопсихологическим и иным причинам являются значимыми для данного социума. Это означало не только расширение пространства правовой культуры, но, что вполне логично, также расширение понимания самого права. В рамках такого широкого подхода к правовой культуре, по сути, речь шла об отказе от западнцентристского понимания правовой культуры как социальной нормы и необходимости принятия правокультурных различий на основе известной в социогуманитарной науке XX в. идеи «признания Другого». Впервые мысль о равнозначности и самоценности различных социокультурных моделей, в том числе включающих в себя различные типы правовых культур, была сформулирована в постклассической науке К. Леви-Стросом [1].

Одним из первых на ограниченность узкоюридического подхода к интерпретации правовой культуры в отечественном правоведении обратил внимание В. П. Малахов, который также является одним из первых правоведов, предложивших использовать в правовом познании элементы антрополого-правовой методологии (понятия субъекта права как особой правовой личности, «правового существа») [2]. Практикуемую в 1990-х гг. исследовательскую стратегию, в рамках которой отсутствие правовой культуры выводилось из культурно-исторических особенностей формирования восточнославянских обществ (общинность, религиозность, самодержавие, терпимость и др.), якобы являющихся причинами аксиологической ущербности белорусского, российского обществ по сравнению с западноевропейским обществом, В. П. Малахов справедливо назвал «мифом о правовом нигилизме» [3, с. 143–149]. Как раз, напротив, для уяснения правовой культуры незападных обществ необходимо не ее узкоюридическая интерпретация, а размифологизация самого учения о правовом сообществе, сформированном в западном дискурсе. Насущной была и остается на современном этапе комплексная оценка различных феноменов правовой

культуры (например, причин сложившейся криминогенной ситуации, уровня правопорядка, юридически значимой социальной активности граждан и др.), понимания причин опыта непосредственного восприятия юридического как значимого либо, наоборот, как незначимого для человека и т. д.

Начиная со второй половины 2010-х гг. в юридическом дискурсе возникло новое для юриспруденции понятие «правовая идентичность», которое было неизвестно в 1990-е гг. В 2023 г. понятие конституционной идентичности как видовая вариация родового понятия «правовая идентичность» обрело легальный статус в Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196. В п. 20 Концепции отмечено, что одной из характерных черт правовой системы Республики Беларусь является конституционная идентичность, а подп. 41.2 прямо определяет, что «в сферах конституционного законодательства и законодательства о государственном управлении необходимо... осуществлять толкование конституционных норм и положений законов, принятых в их развитие, *на основе модели конституционной идентичности, опирающейся на социально-культурные ценности белорусского общества*» [курсив наш. — В. П.] [4].

Полагаем, что формулирование понятия конституционной идентичности в правовой системе Республики Беларусь указывает на широкое понимание правовой культуры. Суть правовой или конституционной идентичности состоит в блокировке размывания национально-государственного понимания фундаментальных правовых ценностей со стороны наднациональных судов, использующих эволютивное и динамическое толкования права, а также применяющих унифицированный западноевропейский, то есть, по сути, региональный подход к пониманию фундаментальных правовых ценностей, лежащих в основе национальных конституций. Концепция правовой идентичности, таким образом, дает возможность формировать устойчивую *аксиологию права* в социальном порядке, т. е. учение о ценностях в праве и практику его применения, которая опиралась бы на цивилизационно-культурные основания конкретного общества и личностно-правовые ценности, реализуемые в поведении людей. При такой интерпретации ядром правовой культуры общества становится наличие и на социальном, и на институциональном уровнях правовой идентичности.

Вместе с тем использование широкого понимания правовой культуры создает проблемы как теоретического, так и практического плана. В частности, если в понимании правовой культуры мы переходим от чисто юридической интерпретации к социокультурным ценностям, возникает проблема смешения права и нравственности в социальном поле, а также риск подмены юридического содержания нравственной нормой. Традиционно в рамках классических правокультурных исследований данный вопрос решается путем квалификации

элементов культуры как правовых с помощью использования нормативного, а также иногда и юснатуралистического аргументов [5, с. 33]. То есть неюридические, социокультурные элементы (например, социальные, традиционные ценности) квалифицируются как правовые через их атрибутирование к действующему позитивному праву либо его элементам, а также и к естественно-правовым установкам, обычно «входящим» в правопорядок путем утверждения юснатуралистических стандартов на уровне Конституции.

В постклассической методологии правовых исследований проблема разграничения права и неправа не является приоритетной, хотя она имеется в виду. Правовая культура, как справедливо отмечает профессор И. Л. Честнов, рассматривается в качестве «специфического человеческого способа жизнедеятельности и механизма воспроизводства правовой реальности» [6, с. 373]. Главный акцент в постклассической методологии относительно правовой культуры делается не на поведении людей на основе «права в книгах», а на практиках их поведения на основе «права в жизни», даже если такое «право» и не является формальным. Однако в конечном счете эта неформализованная культурная ситуация и есть момент правовой культуры за счет его общезначимости и взаимного признания «здесь и сейчас» *ipso facto*.

В антропологии права как направлении развития современной фундаментальной юриспруденции также используются положения постклассической методологии юридической науки, однако с поправкой на *принцип человекомерности права*. Данный принцип предполагает, что право и все элементы правовой реальности анализируются только в связи с действующим в них человеком как правовым деятелем — правовой личностью, которая ставится в центр правового анализа. Не только правовая культура, но и само право в рамках антрополого-правовой методологии имманентно связывается с идеей человекомерности. Поэтому в антропологии права решение вопроса разграничения права и нравственности при рассмотрении правовой культуры в связи с социокультурными ценностями переносится с уровня нормативной системы права на уровень человека, действующего в праве, — такова особенность правопонимания в рамках антропологической концепции права. И действительно, поскольку в познании правовой культуры выражается степень усвоения и активного использования личностью правовых ценностей, их воспроизводства [7], постольку для обозначения правовой культуры в антропологии права *важно наличие у лица личностной позиции — акта правокультурного самоопределения, коррелирующего с общепризнанностью и ценностью права в конкретном правопорядке*. Такая корреляция — и это важный момент — не обязательно означает конкретное знание содержания права, которое лицо использует в юридически значимой ситуации и правовой жизни в целом. Здесь важна опора на определенный

положительный внутренний ресурс человека, которым наиболее часто выступает усвоенная нравственная установка — значимая для человека личностная ценность, воспроизводящаяся в практике его поведения. Отличие этой ценности от простого «знания права» заключается в том, что она включена в личностную конституцию и идентичность человека, в то время как знание правового предписания находится в рефлексивной области правового сознания. Поэтому на уровне правовой личности не разграничение права и нравственности, а, напротив, их синтез во многом способствует поддержанию правовой культуры.

На этом основании следует заключить, что правовая культура как акт правокультурного самоопределения и поведения личности, выражающийся в общезначимом и ценном для данного социума и правопорядка способе и практике поведения, связан не только со знанием человеком содержания правовых предписаний, но и с его личностной нравственной конституцией, теми личностными ценностями, которые усвоены человеком и воспроизводятся в его повседневной жизнедеятельности. Если сказать более жестко — а к этому нас обязывает постоянное расширение сферы цифровой среды и виртуальной реальности, имеющей юридическую значимость, — именно социокультурные ценности, воспроизводящиеся на уровне личностных практик жизни, сегодня способны поддерживать правовую культуру, а также давать ориентиры для развития самого права. По крайней мере, мы будем понимать наше общество, юридически значимое поведение человека и его правовую личность как они есть. Парадоксально, но предложенный антрополого-правовой подход, указывая на пределы правовой детерминации правовой культуры, связанные со сферой личностного как юридически значимого, одновременно не игнорирует ценность права как формально-догматического средства, направленного на достижение «добра и справедливости». Однако он дает понять, что правовая культура — это не институциональный, а антропологический правовой феномен и центральным объектом ее анализа является правовая личность человека, в которой всякие попытки отделить право от нравственности и иных регулятивных систем будут несостоятельны.

1. Леви-Строс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1985. 536 с. [Вернуться к статье](#)

2. Павлов В. И. Методология и антропология в философско-правовой концепции В. П. Малахова в контексте современной антропологии права // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2017. № 3. С. 97–101. [Вернуться к статье](#)

3. Малахов В. П. Мифы современной общеправовой теории : моногр. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 152 с. [Вернуться к статье](#)

4. О Концепции правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 : в ред. от 14 марта 2024 г. № 96. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
5. Крупеня Е. М. Политико-правовая активность личности. М. : Унив. кн., 2009. 312 с. [Вернуться к статье](#)
6. Социокультурная антропология права / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. 840 с. [Вернуться к статье](#)
7. Дробязко С. Г. Понятие правовой культуры и основные направления повышения ее уровня в условиях формирования социального правового государства и правового гражданского общества // Проблемы формирования и развития правовой культуры белорусского общества : материалы круглого стола, Минск, 3–5 февр. 2005 г. Минск : МИТСО, 2005. С. 10–15. [Вернуться к статье](#)